

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ РЕЛИГИИ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

(по поэмам Гомера и Гесиода)

Методологическая оценка социальной роли религии в Древней Греции может быть дана согласно определению всякой религии, которое сформулировал Ф. Энгельс. Религию он называет «фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни»¹. Фантастическое у Энгельса — синоним искаженности, неверного отражения действительности.

В недрах современного Гомеру общества (IX—VIII века до н. э.) шло интенсивное разложение родовых отношений, и на базе накопления материальных средств и возникновения классов-сословий складывались государства.

Э. Д. Фролов отмечает в античной религии общинную заданность, обусловленность ее функций полисной природой общества, заимствование религиозных представлений из критско-микенской эпохи². В научной литературе признана политическая тенденциозность творчества Гомера, выполнявшего социальный заказ аристократов. «Илиада» — произведение о ратных подвигах аристократов во время Троянской войны (XIII—XII века до н. э.); «Одиссея» повествует о необычных приключениях одного из основных героев Троянской войны. Она насыщена фольклорно-мифологическими элементами.

Плодотворна характеристика ахейского лагеря в «Илиаде». Он изображен как своеобразный полис-дружина, возникший на вражеской территории. Басилей здесь выполняли функции советников и судей, составляя корпорацию, в которой Агамемнон занимает место регента как первый среди равных. В лагере специальное место отведено для судебных разбирательств. Управление ахейцев носит скорее коллегиальный, чем единоличный характер. Но известное равноправие принадлежит только басилеям, которые противостоят массе воинов³.

Попытка рядового ратника Терсита сагитировать толпу воинов высказать властителям свое мнение закончилась его избиением. Эпизод присвоения добычи аристократа Ахилла вождем ахейцев Агамемноном свидетельствует о методах накопления богатств басилеями. По отношению к демосу басилей действовал тем более безнаказанно. Старинный обычай добровольных жертвований теперь использовался как предлог для лихоимства и вымогательства. Развитие моногамной семьи на основе роста культуры земледелия обеспечивало наличие избытка определенного продукта, который присваивала знать.

Основой же господства родовой знати была общинная собственность на землю. Практика ее распределения привела к тому, что появились люди, владеющие многими участками («поликлерой»), и безземельные («аклерой»). Положение свободных, но неимущих фетов немногим отличалось от положения рабов.

Накопление материальных средств обеспечивало господство лучших («аристой») и благородных («агатой») над рядовыми общинниками, скверными («какой»). Но поскольку последние выделялись из основной массы общинников, которым постоянно грозило разорение, аристократы вынуждены были заниматься их религиозно-психологической обработкой. По верному наблюдению А. И. Зайцева, божественное вмешательство в поступки людей «служит в духе общих законов поэтики гомеровского эпоса для большего возвышения эпических героев, для создания пропасти между ними и простыми людьми»⁴.

Агамемнон, Ахилл и другие басилей — потомки богов. Эней заявляет Ахиллу: «Нашего предка Дардана Зевс породил». А матерью своей Эней называет Афродиту (Одиссея, 208—210). Божественное происхождение Агамемнона, а в действительности его реальная власть предводителя ахейцев, делают его таким всемогущим, что он угрожает Хризу, жрецу Аполлона, расправой. Служитель Аполлона тоже достоин своего соперника: желая выкупить дочь, он предает Троя, призывая олимпийских богов разрушить град приамов. Однако ни этот призыв, ни выкуп, ни жезл и венец Аполлона не заставили Агамемнона освободить дочь жреца. Святость культа попирается. За проступок Агамемнона разгневанный Аполлон насыляет

на войско ахейцев язву. Афина помогает Одиссею всегда, когда он попадает в безвыходное положение. Посейдон спасает Энея, по воздуху бросив, и предстает пред спасенным в своем облике.

Наивно истолковывает Гомер причины появления богатства, рабства. К кобылицам Энея сам бог «разгорался любовью на паствах» (Ил. 222—225). Сам бог плодит богатство! В «Одиссее» неоднократно повторяется мысль: боги даруют богатство (Од., XVIII, 19; 124; 81). Одиссей, став нищим, говорит рабыне Меланфо, что нищенство— жребий, посланный ему Зевсом-Кронидом. Зевс назначает человеку также «тягостный жребий печального рабства». Объяснение причин рабства вложено в уста свинопаса Евмея, раба Одиссея. Евмей, посланный Одиссеем в дом Телемаха на разведку, садится к его столу. А когда Антиной ударил вошедшего Одиссея-нищего скамейкой, Евмей упрекнул обидчика: «будет ли Дий тем доволен?» (Од., XVII, 395—399). Избитый нищий вопрошает, по существу, о том же, но с иным оттенком: «Если же боги и мщенье Эриний живут и для бедных?» Здесь и констатация того, что речь идет об одних и тех же богах для богатых и бедных, и сомнения в том, что боги покровительствуют последним.

Гомер вложил в уста Евмея мысль, угодную аристократии: его раб верит в то, что говорит. Отвлекаясь от вопроса об источниках рабства, обратим внимание на положение рабов в гомеровскую эпоху, которое несомненно было обусловлено натуральным характером хозяйства, ограничивающим степень эксплуатации. Последнее обстоятельство и определяло правовое положение рабов, которое нуждалось в религиозном освящении, хотя нищий сомневается, что боги покровительствуют им.

Гесиод— младший современник эпохи гомеровского эпоса и первый в древнегреческой литературе точно определенный автор. Несмотря на известную хронологическую близость создания эпического и дидактического эпосов, Гесиод— носитель нового мировоззрения, он первым дает рационалистическое истолкование мифов, изменяя и религиозные представления. А его социальные взгляды противоположны взглядам Гомера.

По Гесиоду, «благостные демоны дают людям богатство». Кронид может осчастливить богатством многих своих сыновей. Земледелец, чтоб получить урожай, должен молиться богине плодородия Деметре. Поэма «Работы и дни» является гимном труду, она насыщена рациональными рекомендациями земледельца-экономиста, в том числе и сословно-классового характера. Покровительство богов здесь не является главной силой и изображается достаточно отвлеченно. В «Илиаде» же боги действуют так же реально, как и герои-аристократы.

Вынужденный постоянно бороться с грозящим ему разорением, Гесиод сам работает вместе с рабами. Одиссей же занят героическими подвигами, а умение провести плугом борозду для него не повседневная работа, а способ демонстрации физических сил, своего превосходства над противником. Но обеспечивает он себя отнюдь не трудом рук своих. Гесиод разбрасывается мясом на подачки нищему не станет. Оно ему досталось не от поборов с общинников и не от стад, пасомых рабом. Гесиод подсчитывает, что сорокалетнему молодцу-работнику положено четыре куска восьмидольного хлеба. Одиссей наказывает неверных рабов, у Гесиода рабыня (гюнайка-«женщина») является такой же собственностью хозяина как и вол, а «бездетная поденщица» сравнивается с коровой.

Гесиод создал гимн физическому труду, а классические рабовладельцы будут относиться к этому труду с презрением. «Труд человеку стада добывает и всякий достаток»— вот центральная мысль Гесиода. Гомер же говорил о табунах коней Энея, подаренных ему Борею.

Боги могут наградить человека богатством. Но бедность, по Гесиоду,— удел ленивца. По Гомеру, Зевс, определяя жребий рабства, лишает человека доблести («арэтэс»). Гесиод не отводит богам никакой роли в появлении бедности или рабства. Но и причины рабства Гесиод не объясняет, очевидно, принимая его как должное. Другое время настало. Рабство уже настолько распространено, что Гесиод как зажиточный земледелец, а не гомеровский базилей (так далеко зашло социальное расслоение), имеет двух рабов и эксплуатирует фетов. В этом зажиточный крестьянин видит божественную справедливость.

Историю человечества Гесиод объясняет с позиций общественного регресса. В отличие от времени, описанного Гомером, он живет в пору широкого применения железной техники и поэтому свою эпоху называет железным веком, идеологии которого не соответствует идеология эпохи гоме-

ровского полиса. Герои Гомера выясняют свое божественное происхождение в самых, казалось бы, неподходящих экстремальных ситуациях. Разгадка происхождения этих героев объясняется не столько эпическим характером поэм, сколько их сословно-классовой социальной направленностью. Басилеи — прямые потомки богов. А выдвинутая Гесиодом теория регресса человеческой истории является опровержением гомеровской божественной генеалогии басилеев. Гесиод насчитал пять поколений людей, каждым из которых, кроме своего, железного века, он восхищается, но никакой связи между ними не видит. Каждый раз после смерти одного поколения людей, Зевс создает новое, которое ничем не связано с предыдущим. Поколение золотого века, по воле Зевса, превращено в благостных демонов, которые охраняют всех людей, а не басилеев преимущественно, как гомеровские боги: «зорко на правые наши дела и неправые смотрят» (Работы и дни, 129). Обращение к своему брату Персу, земледельцу, как к потомку богов у Гесиода не просто риторическая фраза. Все люди созданы Зевсом. В басне о ястребе и соловье Гесиод не называет басилеев ни богорожденными, ни благородными. После поэмы «Работы и дни» Гесиод написал «Теогонию» — историю богов. В ней, в отличие от истории людей, Гесиод усматривает прогресс: переход от хаоса к разумно-волевому порядку, установленному Зевсом и его союзниками-олимпийцами во всем мире⁵. Противоречие между теориями регресса и прогресса разрешимо. Установление разумно-волевого порядка в мире богов — это как бы возврат к золотому веку, которого жаждет новый эксплуататор, противостоящий родовой знати. Совпадение меры и степени божественного вмешательства в поступки гомеровских героев в зависимости от их социального статуса отражает закономерную связь социальных и психологических корней религии. Минимальная доля божественного покровительства Одиссею-нищему, признание роли Зевса в избрании для человека жребия нищего и раба и лишении последнего половины доблестей совпадают с низким социальным положением фетов и патриархальных рабов. Эксплуатация тех и других, постоянное разорение свободных общинников вызывали необходимость воздействовать на них и духовно, с помощью соответствующей идеологии.

Позже, в классическое время, когда характер рабства изменился, «для обеспечения господства над рабами достаточно было одного непосредственного физического принуждения»⁶. Гесиод объяснил причины бедности реалистично, хотя не мог понять их социальной природы. Выступая против политического, правового и религиозного господства знати, сам он пользуется плодами эксплуатации рабов и фетов. Религия, рационалистически истолкованная Гесиодом, была наряду с политикой и правом одним из элементов надстройки формирующегося рабовладельческого полиса.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 283.

² См.: Фролов Э. Д. Религия и атеизм в античном мире // Вопросы научного атеизма. М., 1976. С. 120.

³ См.: Андреев Ю. В. Раннегреческий полис (Гомеровский период). Л., 1976. С. 101.

⁴ Зайцев А. И. Свобода воли и божественное руководство в гомеровском эпосе // ВДИ. 1987. С. 142.

⁵ См.: Лосев А. Ф. Античная философия истории. М., 1977. С. 46.

⁶ Амусин И. Д. Социально-экономическая история древнего мира в трудах академика А. И. Тюменева // Проблемы социально-экономической истории древнего мира / Ред. В. В. Струве. М.; Л., 1963. С. 16.

И. О. ЕВТУХОВ

КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АВРЕЛИЯ АВГУСТИНА ПЕРИОДА ТАГАСТА (388—392)

Смена эпох — это не только смена условий существования человека, изменяются и сами люди, их идеалы и стремления. В этом отношении особый интерес представляет сложная фигура христианского мыслителя Аврелия Августина, воплотившего в себе многие противоречия периода перехода от античности к средневековью. Сформулированная же им концепция человека, особенно процесс ее формирования, помогает нам глубже проникнуть во внутренний мир людей того непростого времени.